

Кому-кому, а Бай Сяоху умения лишать людей дара речи было не занимать: если уж он брался за кого-то, жертве оставалось лишь молча глотать желчь.

Он велел подать ещё один чайник духовного чая и отпускал речи одну елейнее другого — куда там преподобному Наньлину! Вот только за этой слащавой патокой скрывался такой яд, что у слушателей едва кровь горлом не шла.

По крайней мере, натянутая улыбка Феи Цинбо уже трещала по швам — оставалось лишь догадываться, какая буря бушевала у неё в душе.

С появлением Сяоху Фу Са освободился от необходимости произносить дежурные любезности: ему оставалось лишь изредка подавать голос, выражая небрежное согласие.

Управляющий Фу, стоявший за дверью, искренне наслаждался зрелищем. Убедившись, что молодого господина никто не обидит, он решил не искушать судьбу и отступил: хоть они и находились в поместье клана Фу, преподобный Наньлин мог задействовать духовное чутьё, и попадись управляющий на подслушивании — вышло бы неловко.

А вот кто действительно сходил с ума от тревоги, так это Юйчжу, а вместе с ним Цин Цзе и Цин Ин. Все трое взмыленно метались по двору.

Управляющий Фу перехватил их:

— Что за переполох?

— Беда, дядюшка Фу! — с жалобной миной воскликнул Цин Цзе. — Вы велели нам ввести молодого господина Бая в курс дел мира культивации. Он спросил про Фею Цинбо, а мы... в общем, увлеклись и взболтнули лишнего.

— Он слушал-слушал, а потом вдруг сорвался и умчался! Мы даже не знаем, куда он побежал!

Цин Ин суетливо добавил:

— Мы сами виноваты! Он буквально из пары фраз всё понял, вот нам и пришлось рассказать подробности.

Юйчжу чуть не плакал:

— Мой хозяин узнал, что молодой господин Фу ради спасения той женщины лишился

духовного корня! Он же решит, будто молодой господин Фу безумно в неё влюблён! Что же теперь делать?!

Управляющий Фу лишь молча лишился слова.

Разве происходящее хоть сколько-то походило на их страхи?

Слуги же изнемогали от раскаяния. Сказав лишнее про Фею Цинбо, они винили себя, ведь та за все дни болезни даже не наведлась к Фу Са.

Выслушав сбивчивые объяснения, управляющий усмехнулся:

— Успокойтесь. С молодым господином Баем всё в порядке. Сидит в гостиной и как ни в чём не бывало пьёт чай с гостями.

Он подумал про себя: хоть духовным корнем молодой господин Бай и не вышел, ума и проницательности ему не занимать. Хватило пары намёков, чтобы раскусить замысел преподобного Наньлина и его ученицы! И ведь каков: тут же ринулся заступаться за жениха и так уткнул визитёров носом, что тем и ответить было нечего.

— Дядюшка Фу, это мы виноваты... — всё ещё винулись Цин Цзе и Цин Ин.

— Вы всё сделали правильно, — отрезал управляющий. — В этом месяце получите двойное жалование. Скажете, это моё распоряжение.

Слуги опешили.

— А мой хозяин правда в порядке? — всё ещё сомневался Юйчжу. — Он ведь так спешил...

— В полном порядке, — заверил дядюшка Фу и кратко пересказал сцену в гостиной.

Юйчжу слушал, разинув рот от изумления, а затем гневно всплеснул руками:

— Подумать только, насколько бесстыжими бывают люди! Я-то думал, хуже клана Бай никого нет, а тут такие выкрутасы!

— Клан Бай бесстыж? — нахмурился управляющий.

— Ещё как! Они сначала отобрали у хозяина помолвку, а когда с молодым господином Фу случилось несчастье, тут же спихнули... — Юйчжу осёкся на полуслове и в страхе уставился на собеседника.

— Не бойся, продолжай, — мягко подтолкнул его управляющий. — Молодой господин Бай — достойный человек. Что бы там ни произошло, мы не станем вымещать обиду на вас.

От этих тёплых слов Юйчжу окончательно растрогался и шмыгнул носом:

— Хозяин прав... В клане Фу и впрямь живут замечательные люди!

Запинаясь и утирая слёзы, юноша выложил всё без тайн:

— Вы простите меня... Я ведь, когда впервые услышал о беде с молодым господином Фу, грешным делом обрадовался, что помолвку сменили! Хозяин меня тогда так отругал, что мне до сих пор стыдно... Подмену не клан Фу устроил, а те ироды из клана Бай!

Он утёр слезу и всхлипнул:

— У покойной госпожи было такое богатое приданое! А хозяину они выделили едва двадцать пять тысяч духовных камней, да и то лишь из страха, что он воспротивится и перед кланом Фу выйдет скандал! А на него самого ещё и грязь вылили — мол, сам упёрся и потребовал замены! Мой хозяин такой бедный... Но молодой господин Фу хороший, и весь ваш дом хороший. Хозяин с самого начала говорил, что здесь ему будет куда лучше, чем в родном гнезде!

Цин Цзе и Цин Ин, ещё недавно сочувствовавшие своему молодому господину, теперь слушали Юйчжу с открытыми ртами. Ну и отцом же оказался этот глава Бай — настоящее чудовище!

Глядя на безутешно плачущего слугу, они не знали, как его утешить, и лишь беспомощно толклись рядом.

Управляющий Фу лишь вздохнул про себя: надо же, каков стариковский глаз, ведь чуть не проглядел истину! А молодой господин Бай — золото, а не юноша. Понимает, где добро, где зло, да ещё и защищает жениха вопреки всему.

Он велел Цин Цзе и Цин Ину увести Юйчжу в его покои. Те охотно кивнули и под руки увлекли всхлипывающего парня во двор. Глядя на россыпи духовных камней у дома, слуги невольно подумали: «Должно быть, молодой господин Бай два года жил в такой нищете, что теперь жаждет видеть камни при каждом взгляде. И спрятать часть про запас не забыл — если опять прижмёт, хоть будет что выкопать...»

Бай Сяоху, конечно же, не подозревал, какими мыслями наделили его слуги. С самой очаровательной улыбкой он выпроводил преподобного Наньлина и Фею Цинбо за ворота.

Едва ступив на палубу летающего корабля, Фея Цинбо залилась слезами.

— Ну за что мне всё это! — рыдала она. — Если бы мы ничего не предпринимали... Нет, молчать было нельзя! Но изобрази мы преданную любовь, пока их делишки с этим Баем не всплыли наружу, люди называли бы меня верной и благородной! А теперь...

Всё рухнуло.

Слухи уже ушли в народ, а ради достоверности ей действительно пришлось заключить союз и вступить в парное совершенствование с другим человеком.

Теперь её репутация была уничтожена.

— Учитель, как же мне больно! — сжав кулаки, сквозь зубы процедила она. — С моей-то внешностью и талантом я могла рассчитывать на лучших! Зачем я согласилась на этого никчёмша?!

Сроки ждали, а признанные гении никогда бы не пошли на такую аферу, поэтому выбранный ею спутник оказался весьма посредственным культиватором. После Фу Са, на которого она заглядывалась прежде, новый избранник вызывал лишь отвращение.

Но дело было сделано.

Цинбо плакала навзрыд, кляня судьбу и собственную оплошность:

— Кого угодно можно было найти, но притащить обладателя девятистихийного духовного корня?! И ведь молчал до последнего! Да, он говорил мне когда-то, что помолвлен, но кто бы стал принимать это всерьёз?!

Тогда она решила, будто Фу Са просто ищет предлог для отказа — ведь сколько ни ищи, никакой невесты рядом с ним не проглядывалось. И вот теперь эта «невеста» вынырнула из небытия.

— Калека и обладатель бракованного корня... Девятистихийный мусор! Ха-ха-ха-ха!

Смотря на истерику ученицы, преподобный Наньлин и сам чувствовал глубокую досаду. В этой аванюре была и его вина, и теперь он ощущал себя так, словно его публично высекли по щекам.

— Довольно, — хмуро осадил он её. — Подумай сама: скажи ты сейчас, что рвёшься замуж за Фу Са, неужели он бросил бы этого юношу ради тебя?

Цинбо застряла на полуслове.

— Что сделано, то сделано, — продолжал преподобный. — Вернёмся — держи себя в руках и не показывай вида, чтобы не дразнить языки. А о Фу Са забудь. Калека и бракованный корень — пара, что надо.

— Готов заложиться, сейчас эти двое клянут нас на чём свет стоит, — с лукавой ухмылкой заметил Бай Сяоху, едва летающий корабль скрылся из виду. — Наверняка утешают себя тем, что один из нас — калека, а второй — некчёмный мусор. Но какова досада! В глаза-то им пришлось нам улыбаться! Ах, обожаю этот оскал: в душе сгорают от ненависти, а с лица не сходит слащавая мина!

Сяоху весело зажмурился, а Фу Са, глядя на его сияющее лицо, ощутил, как тяжесть на душе немного рассеивается.

Кому приятно, когда об него вытирают ноги?

Преподобный с ученицей зашли слишком далеко, и видя их посрамление, сложно было не испытать толику злорадства.

— Именно! — поддержал свою же мысль Сяоху. — Ничего сложного ведь не требовалось: поучись она у твоей младшей сестры-наставницы сидеть тихо, как мышь, и горя бы не знала. В конце концов, лезть в яму никому не охота, никто бы её не осудил. Так нет же, надо было прийти, макнуть тебя в грязь и выставить всё так, будто она — святая невинность! Тоже мне, белая кувшинка. Искать изъяны в других — моя работа, мне просто лень с ней возиться, а то бы завтра же вся округа её камнями забросала.

Сяоху ожидал, что Фу Са начнёт его сдерживать или хотя бы проявит сдержанность, ведь тот выглядел человеком суровым, но в глубине души довольно мягким.

Однако Фу Са вдруг спросил:

— Раз это яма, зачем ты сам в неё прыгнул?

Неужели из одной лишь чистой симпатии?

Фея Цинбо тоже некогда твердила о своей любви. Он отвергал её снова и снова, а она клялась, что ей достаточно просто быть рядом и не мешать. И каков итог?

Зачем же тогда здесь Бай Сяоху?

Сяоху ненадолго замер. Причины его поступка были слишком запутаны, чтобы выложить их вот так сразу.

Поколебавшись мгновение, он задорно подмигнул:

— А ты погадай мне по руке — и я всё расскажу!

Фу Са лишь промолчал.

За разговорами они дошли до обители Сяоху. Стоило толкнуть створку ворот, как перед ними предстал Юйчжу с распухшими от слёз глазами.

Рядом стояли Цин Цзе и Цин Ин, державшие в руках по увесистой горсти духовных камней.

Сяоху на мгновение опешил.

Это ещё что за представление?

— Молодой господин Бай, мы помогали вам от чистого сердца, — торжественно произнёс Цин Цзе. — Плата нам не нужна.

— Именно-именно! — подхватил Цин Ин. — Мы сейчас же вернём эти камни на место и разложим во дворе. Обещаем, выйдет очень красиво!

Слуги искренне уверовали, что молодой господин Бай, настрадавшись без гроша в кармане, отдал им камни лишь из невероятного великодушия, разрывая себе сердце. А раз он так щедр, им не подобало пользоваться его добротой.

И с этими словами они принялись ловко расставлять духовные камни по узорам.

Бай Сяоху: «...»

Фу Са: «...»

Только что успокоившийся Юйчжу посмотрел на узор из камней, затем на хозяина и громко икнул.